

Содержание

Предисловие	8
-----------------------	---

1869–1895

Глава первая	14
------------------------	----

Глава вторая	29
------------------------	----

Глава третья	44
------------------------	----

Глава четвертая	54
---------------------------	----

Глава пятая	62
-----------------------	----

Глава шестая	74
------------------------	----

Глава седьмая	86
-------------------------	----

1896–1903

Глава восьмая	102
-------------------------	-----

Глава девятая	106
-------------------------	-----

1904–1914

Глава десятая 138

1915–1931

Глава одиннадцатая 162

Глава двенадцатая 168

Глава тринадцатая 173

Глава четырнадцатая 187

1932

Глава пятнадцатая 206

Фрагменты 212

Автобиография И. И. Рерберга 228

Приложения

Работы по инженерным и архитектурным
постройкам инженера-архитектора
И. И. Рерберга 234

Перечень специальных проектов, составленных
и осуществленных в натуре инженером
Э. М. Генделем 235

*Инженерам-строителям России
посвящается*

Предисловие

Каким образом ко мне попала рукопись архитектора Ивана Ивановича Рерберга из библиотеки Эммануила Менделевича Генделя — история достаточно интересная. Исходя из своего возраста и по опыту работ, могу заметить, что любой профессиональный мир чрезвычайно тесен, тем более в одной стране, да еще и в одном городе, пусть даже таком большом, как Москва. Поэтому почти наверняка Рерберг и Гендель, являясь инженерами-практиками в области строительства, могли контактировать друг с другом.

И. И. Рерберг скончался в 1932 году, когда Э. М. Генделю было 29 лет, и он только начинал работать в области реконструкции. Старт активной трудовой деятельности Генделя — это 1933-й год, когда он стал осуществлять подводку и укрепление фундаментов зданий в зоне строительства московского метро.

Каким образом записки И. И. Рерберга, да еще их рукописный вариант, оказались у Э. М. Генделя — сказать трудно. Возможно, оба инженера имели контакты по профилю своей работы. Можно предположить также, что взаимодействие Рерберга и Генделя было шире, ведь в библиотеке Генделя хранилось множество карандашных набросков конструкций зданий, причем зданий из дерева. Эти наброски, вероятнее всего, были сделаны либо самим И. И. Рербергом, либо его братом (Ф. И. Рербергом).

Известно, что при проектировании линии метро тоннели проходили вблизи здания ГМИИ им. А. С. Пушкина, в строительстве кото-

рого участвовал И. И. Рерберг, а это значит, что Гендель и Рерберг могли обсуждать рабочие дела. Ведь И. И. Рерберг до конца своей жизни участвовал в судьбе музея, консультировал по строительным вопросам и, вероятно, даже согласовывал проектные решения по метрополитену. Известно, что Гендель и Рерберг были и считали себя инженерами-практиками, а это способствует установлению рабочих отношений.

Мне, инженеру, который связал свою жизнь с практикой ремонтных, реставрационных, строительных и противаварийных работ, огромную помощь в развитии и выходе на определенный профессиональный уровень оказали встречи со специалистами, обладающими большим практическим опытом. Сегодня уже можно сказать, что мне очень везло на встречи с умными, образованными и грамотными людьми. В 90-е годы XX века при переходе к рыночной экономике два выдающихся специалиста, высококлассных инженера, предложили мне начать развивать направление ремонта подземных сооружений в Москве. До этого я много лет занимался этим вопросом применительно к горным выработкам. Такими специалистами были Александр Сергеевич Матросов, находившийся тогда на посту заместителя председателя исполкома города Москвы по городскому хозяйству, и Илья Дмитриевич Насонов, д.т.н., заместитель председателя ВАК СССР, профессор, заведующий кафедрой «Строительство подземных сооружений и шахт» МГИ, где я работал. Было создано предприятие, которое должно было обследовать, проектировать и ремонтировать подземные сооружения, в том числе коллекторные тоннели инженерных коммуникаций, я стал его первым руководителем.

При ремонте и реконструкции камер в коллекторах появилась необходимость в замене металлических конструкций, которые пришли в негодность. Часто камеры расположены на небольшой глубине, 1–3 метра, и единственным быстрым и экономичным способом решить задачу был подъем с помощью специальных домкратов перекрытия из плит. Как горняки мы использовали гидравлические шахтные стойки. После подъема – конструкции ниже плит менялись на новые, и перекрытие опускалось на прежнее место. Как все достаточно неопытные и молодые люди, мы думали, что совершаем переворот в технологии ремонта, и подали заявку на получение авторского свидетельства. При рассмотрении заявки нам ответили, что способ давно известен, и подъем зданий и сооружений таким способом был осуществлен давно и успешно Э. М. Генделем. Мало того, мне дали контакты Э. М. Генделя,

сказав, что он еще жив, возможно. Я позвонил по телефону, и мне сообщили, что Гендель недавно умер, а я первый человек, который поинтересовался им. Дочь Генделя объяснила, что семья планирует ремонт, и встал вопрос о том, что делать с технической библиотекой. Мне предложили забрать библиотеку, и я, конечно, согласился. Там были книги, альбомы, фото по передвижке зданий, проекты, чертежи, включая чертежи домкратов, и т. д.

Разбирая эту техническую библиотеку, я понял, каким специалистом инженерного профиля был Э. М. Гендель. Сегодня, когда таких специалистов стало очень мало, а в нашей области ремонта и реконструкции зданий и сооружений их можно пересчитать по пальцам на одной руке, величина его таланта, диапазон инженерной мысли, умение решать поставленную задачу от начала до конца, да еще в тех условиях, вызывает восхищение.

Знакомясь с библиотекой Э. М. Генделя, которая оказала огромное влияние на мое развитие, я обнаружил рукописную и печатную, на тонкой папиросной бумаге, работу И. И. Рерберга, крупнейшего специалиста в выполнении строительных работ. Рерберг был тем инженером, который самостоятельно вел порученный ему объект от проекта до окончания строительства. Кроме того, он, как и Э. М. Гендель, был таким же аккуратным и педантичным человеком. Скрупулезные подсчеты нагрузок, расчет стоимости по оптимальным критериям и многое другое делает подход этих двух инженеров к делу схожим. Сегодня все не так, роль инженера размыта по причине большого объема строительства и его темпов, а также наличия массы ненужных документов, бумаг, законов, которые делают невозможным быстрое и эффективное решение задачи силами малого количества специалистов. Да и за экономией средств следят плохо. Тогда, возможно, было проще, была важна личность руководителя работ, но и ответственность этого руководителя была настолько серьезной, что неудача грозила потерей не только работы, но и жизни.

В библиотеке Э. М. Генделя есть много книг и журналов, где замазаны фамилии людей, которые были признаны врагами народа. Да, время было трудное и сложное, но было.

Получив рукопись И. И. Рерберга, изучив его опыт и поняв значение его личности в развитии инженерного подхода к строительным работам, я подготовил ее к публикации, единственное, что я добавил — это сноски. Процесс работы с рукописью меня очень захватил и заставил смотреть на многие вещи по-другому.

Когда мы производили ремонт и реконструкцию некоторых залов и помещений в ГМИИ им. А. С. Пушкина, я обратился к Ирине Александровне Антоновой с просьбой дать совет, что делать с рукописью. Ведь И. И. Рерберг, как я уже сказал, до конца жизни не терял своей связи с музеем. Она сказала, что знает про текст, и о том, что было несколько его экземпляров, а также считает, что хорошо было бы издать книгу, но с предисловием о работах В. Г. Шухова. Это предисловие было подготовлено, но было большим и в значительной степени рассказывало о работах В. Г. Шухова, а к материалу рукописи имело малое отношение. Постепенно дело заглохло, ни у кого не было времени, да и желания заниматься книгой. Интерес к рукописи возник вновь уже через много лет. Во время ковида появилась масса свободного времени, и при разборе бумаг мы довели текст до сегодняшнего состояния, а редакция любезно согласилась его издать.

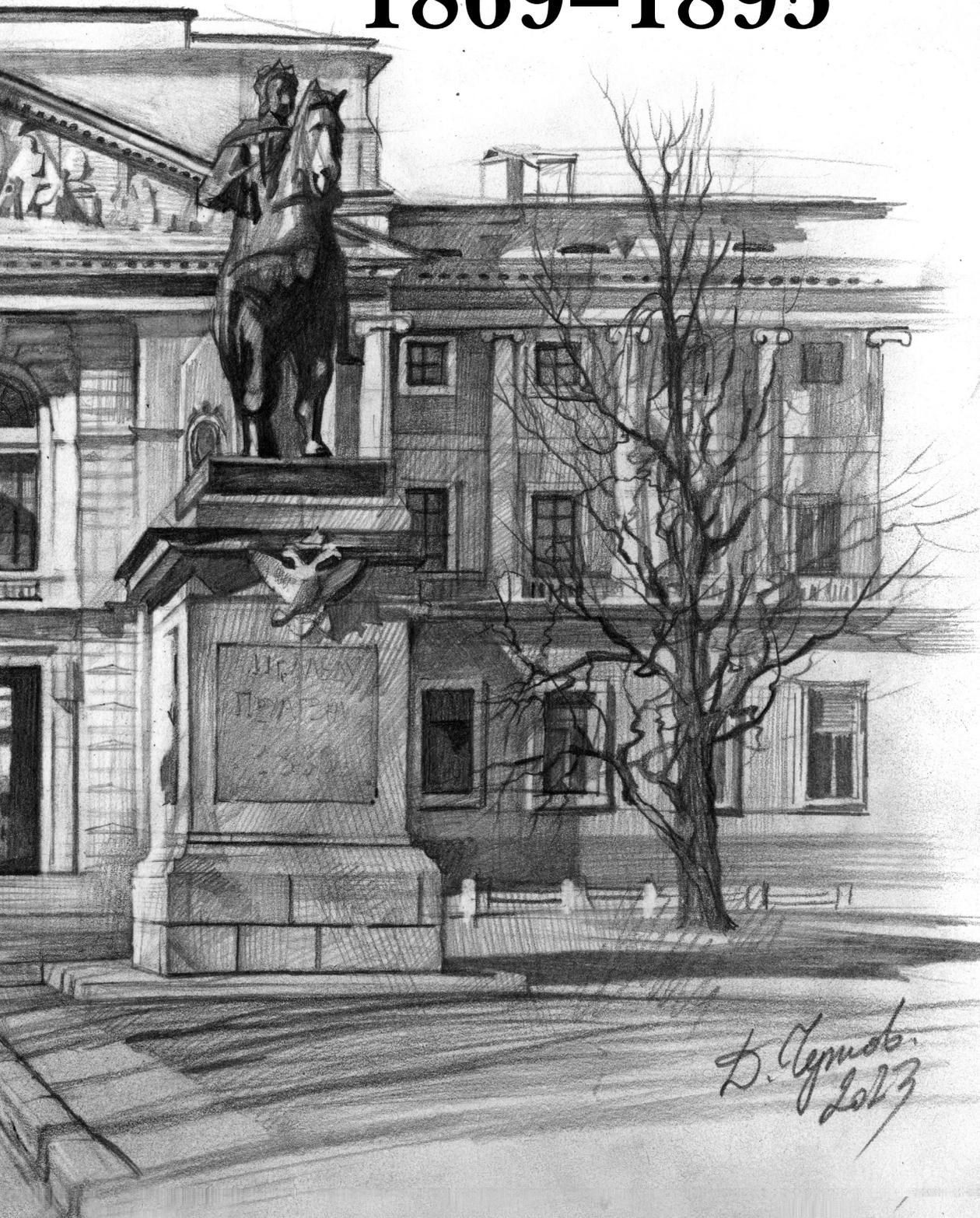
В рукопись добавили прекрасные рисунки талантливого художника Д. В. Чернова, который очень увлеченно и творчески подошел к этой теме.

Рукопись И. И. Рерберга не имела названия, поэтому я и решил назвать ее: «Войти в одну реку» и посвятить российским инженерам-строителям, которые всегда стоят во главе важнейших работ, но редко получают народное признание. На мой взгляд, роль инженера сегодня сильно занижена по сравнению с чиновниками и другими профессионалами, но издание книги может повысить в общественном мнении престиж думающего и грамотного инженера.

Проф., д.т.н. Андрей Александрович Шилин
2023 г.



1869–1895



Глава первая

Мне было около двух лет, когда со мной произошло событие, о котором много говорили и рассказывали как мои родственники, так и жители прежней Рогожской части города Москвы. В 1871 году осенью я, сидя на подоконнике закрытого окна со своим сверстником, двоюродным братом, вцепился ему в волосы; стоявшая тут же нянька стала нас разнимать, а я быстро откинулся назад, пробил головой стекло и вылетел из окна третьего этажа на улицу. На отчаянный крик няньки прибежал мой отец, быстро сбежал вниз, и, когда он поднял меня на руки, я разревелся. Меня уложили в кровать и послали за доктором, который не нашел ни вывиха, ни перелома, но велел держать меня в кровати. На следующий день я уже стал протестовать против лежания, а на третий — бегал по комнатам мимо того злополучного окна, подоконник которого сыграл роль аэродрома для моего первого воздушного полета без всяких приспособлений.

Наша квартира была в четырехэтажном доме, выходящем своим фасадом на площадь Андроникова монастыря. Из окон больших светлых комнат третьего этажа открывался чудный вид на всю Москву. Остальные этажи и два флигеля при доме были заняты Управлением Нижегородской железной дороги, которой в течение двадцати пяти лет заведовал мой отец, почему и имел казенную квартиру.

За домом был расположен большой двор с надворными постройками, а за ним — сад с беседкой и колоссальным серебристым тополем перед ней. Зимой в саду устраивалась ледяная гора и каток.

В настоящее время Андроников монастырь ликвидирован, и все постройки сломаны, не исключая и большой колокольни монастыря, которую жаль потому, что в архитектурном отношении она была одной из лучших высоких башен Москвы.

Случай моего падения из окна я не помню и рассказываю со слов моих родственников, но многие, даже незначительные, факты, относящиеся к моему раннему детству, безусловно, зафиксировались в моей памяти. Я хорошо помню из того времени, когда мы жили на даче в Сокольниках, как нянька возила меня на круг в детской колясочке и как обязательно нас сопровождал черный, на коротких кривых лапках пес Цыган. Помню, что я очень любил один ходить по саду за нашей дачей и что сад был огорожен забором из барочных досок, покрытых многочисленными круглыми отверстиями, через которые я смотрел на соседние владения. Однажды, когда я приложил глаз к дырке и внимательно рассматривал, что происходило на соседнем дворе, то почувствовал сильную боль; закрыв глаз рукой, я помчался домой. Я не плакал, потому что был один, и мне не перед кем было выказывать своей обиды. Когда же меня обступили мои домашние, начал ругаться и топтать ногами, соображая, что меня клюнула в глаз курица, которая была на навозной куче соседнего двора на одной высоте с моим лицом и увидела что-то блестящее. К счастью, удар клюва пришелся ниже глаза, и было повреждено только нижнее веко. Говорю «к счастью» потому, что, как это определилось много лет спустя, правый глаз у меня от рождения был почти слепым и, потеряв зрячий левый глаз, я остался бы калекой на всю жизнь, но об этом я расскажу в своем месте.

Я не плакал, когда был один, это — свойство многих детей; они не так умны, как мы это часто думаем, но они очень хитрые, они ревут и кричат без слез не потому, что не могут сдержаться, а чтобы возбудить к себе сочувствие и жалость и вызвать у старших желание наказать обидчика; чувство мести развивается с самых малых лет, а говорят еще, что это чувство неестественно.

Когда вспоминали мои детские годы, то говорили, что одним из положительных моих качеств было то, что я редко плакал, заменяя эту детскую потребность озорством и драчливостью. Когда ко мне приставили гувернантку, которая решила применить меры строгости, я просто залепил ей в лоб связкой ключей, которые попали мне под руку, и гувернантка ушла, прожив у нас не более недели.

Другой раз я, желая рассмотреть конструкцию детского ружья, приставил глаз к дулу и выстрелил, но и тут, к своему счастью, повредил только верхнее веко.